

УДК 82.161.1-32
DOI 10.20339/PhS.6-21.274

З.А. Кучукова, Л.Б. Берберова, Э.Х. Манкиева

Кавказский ребенок в изображении А.В. Дружинина (на материале рассказа «Madmoiselle Jeannette»)

В рамках формирующегося междисциплинарного научного направления «конфликтология» рассмотрен культурообразующий и миротворческий потенциал образа «ребенок» на материале рассказа русского писателя XIX в. А.В. Дружинина «Madmoiselle Jeannette». В качестве предпосылки к исследованию дан краткий обзор детских нарративов в мировой литературе. Образное поле «кавказского ребенка» с учетом исторического контекста складывается из следующих культурно-смысловых компонентов: «ребенок — пацифист в высшем его воплощении», «ребенок — символ качественно нового направления в жизни, не отягощенного военными конфликтами», «ребенок — идеальный актант межкультурной и межэтнической коммуникации».

Ключевые слова: русская литература, А.В. Дружинин, рассказ, кавказоведение, «Madmoiselle Jeannette», ребенок, символика, миротворческий потенциал, межкультурная коммуникация, метакультура.

Within the framework of the emerging interdisciplinary scientific direction “conflictology”, the authors of the article consider the culture-forming and peacemaking potential of the image of a “child” based on the story of the Russian writer of the 19th century A.V. Druzhinin “Madmoiselle Jeannette”. As a prerequisite for the study, a brief overview of children’s narratives in world literature is given. The figurative field of the “Caucasian child”, taking into account the historical context, is made up of the following cultural and semantic components: “the child is a pacifist in its highest incarnation”, “the child is a symbol of a qualitatively new direction in life, not burdened by military conflicts”, “the child is an ideal and interethnic communication”.

Keywords: Russian literature, A.V. Druzhinin, story, Caucasian studies, “Madmoiselle Jeannette”, child, symbolism, peacemaking potential, intercultural communication, metaculture.

Введение

Если под определенным углом зрения посмотреть на идеологему «борьба между злом и добром», то складывается впечатление, что именно она определила весь ход мировой истории, провоцируя бесконечную череду мировых и локальных войн, где каждая из сторон мнила себя «добром», а антагонистов — «злом». Научной и когнитивной афористикой в общественное сознание на протяжении столетий внедрялась мысль, что жизнь не бывает бесконфликтной, что «в споре рождается истина», что «единство противоположностей стимулирует развитие», что «у верблюда два горба, потому что жизнь — борьба» и т.д. То же и в литературе, где понятие «художественный конфликт» стало главным аксиологическим критерием произведения, приучая читателя к тому, что жизнь в противоборстве с самим собой или с окружающим миром — норматив бытия.

В этом отношении переломным, на наш взгляд, становится рубеж XX–XXI вв., когда в свет выходит целый ряд учебников по конфликтологии, основная цель которых — глубинное изучение сущности конфликта, его разновидностей, а также разработка методов их предупреждения и конструктивного урегулирования. Это труды В. Дружинина и М. Конторова [1], А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова [2], А. Дмитриева, Ю. Запрудского, В. Казимирчука, В. Кудрявцева [3] и др.

Возможно, XXI в. поставит человечество перед альтернативой: либо он станет веком конфликтологии, либо он будет последним веком в истории цивилизации. Конфликты в XX в. стали основной причиной гибели людей. Две мировые войны, более 200 крупномасштабных войн, локальные военные конфликты, террор тоталитарных режимов, вооруженная война за власть, убийства, самоубийства — все эти виды конфликтов по самой приближенной оценке унесли до 300 млн человеческих жизней.

И далее. Либо власть и народ смогут если не управлять, то хотя бы удерживать социальные конфликты в каких-то регулируемых рамках, либо конфликты будут управлять народом и властью, диктуя бессмысленные и беспощадные сценарии в истории всех и биографии каждого [2. С. 3].

Важную просветительскую работу в этом плане выполняют лингвокультурологи, которые справедливо считают, что «геополитические катаклизмы новейшей истории человечества вызвали небывалые ранее смещения и смешения народов: беженцы, эмигранты, перемещенные лица — их тоже теперь считают десятками, сотнями тысяч, миллионами. Языковые и культурные проблемы вызывают

недовольство, этнические стычки, кровопролития» [4. С. 4]. Современными филологами выпущен в свет «Словарь терминов межкультурной коммуникации», где разъясняется сущность таких явлений, как «конфликт культур», «лингвокультурный конфликт», «языковая конфронтация» [Там же. С. 189–190].

Колоссальная работа по осмыслению современных межэтнических отношений проводится Российским университетом дружбы народов — вузом, в самом эмблематическом названии которого нашли отражение миротворческие идеи, связанные с явлениями языковой аккультурации, кросс-культуры, всевозможных полилингвальных и транскультурных практик. Обращает на себя внимание то, что корневой основой большинства названных инновационных терминов является слово «культура». В настоящее время региональными учеными весьма успешно исследуется «диалог русской и кавказской культур как механизм культуругенеза» [5. С. 128]. Здесь представляется уместной цитата кинорежиссера А.Н. Сокурова, отметившего, что «пока главной задачей общества не будет культура, трагедии и всякого рода стрессы будут продолжаться» [6. С. 1].

Сложившаяся ситуация обязывает и литературоведов подключиться к активному творческому процессу поиска путей стабилизации общества. Необходимо с исключительным вниманием отнестись к художественному опыту отечественных писателей в противостоянии милитаризму, предотвращении войн, актуализации миротворческого умунастроения. В период, когда история грозит выйти из «берегов», важно обратиться к тем произведениям, которые представляют собой интерес как источники конфликтологических знаний.

Постановка проблемы

Для раскрытия избранной темы плодотворными представляются труды тех русских писателей, которым довелось прямо, косвенно или опосредованно участвовать в событиях Кавказской войны 1817–1864 гг. Одним из них является А.В. Дружинин (1824–1864). Посещая «Страну Прометея» в драматическое время, он не оставался на уровне летописца или «секретаря общества», но, возвышаясь над конкретикой действительности, задавался вопросами самого высокого философского порядка. Почему война — вечный спутник человечества? Есть ли способы предотвращения войны? Заложено ли милитаристское начало в мужское сознание на генно-гендерном уровне? Какое место отводится женщинам и детям в философии и технологии войны? Естественно, ответы на эти вопросы не даются в художественных произведениях прямым текстом. Гипотеза настоящего исследования строится на предположении о том, что в антивоенных произведениях А.В. Дружинина особая символическая роль отведена образу «ребенка», нагруженному множественными смысловыми пластами. Полипарадигмальное изучение и идентификация образного поля «ребенок» на материале рассказа А.В. Дружинина составляет *цель* настоящей работы.

Задачи статьи: краткий обзор функционирования образа «ребенка» в мировой культуре; установление литературно-логической связи между образами «война» и «ребенок»; раскрытие спектра символических значений «ребенка» в анализируемом произведении; корреляция этих значений с особенностями рассматриваемой эпохи.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнить имеющийся информационный пробел в научном анализе произведений русских писателей-кавказоведов.

Основу исследования составляет комплексная методология, включающая в себя такие формы анализа, как историко-литературный, интертекстуальный, герменевтический, этноонтологический, в совокупности позволяющие раскодировать скрытые смыслы символических единиц в текстах.

Результаты исследования и их обсуждение

Ребенок в мировой литературе

Диакронический принцип анализа образа «ребенка» с опорой на литературные и фольклорные тексты показывает следующее. Как известно, основным метакодом античного мира является

принцип «золотой середины», который естественным образом проецировался и на воспитательную систему. Подрастающее поколение учили: «Не будь горьким — не то тебя выплюнут, не будь сладким — не то тебя проглотят, не будь мягким — не то растопчут, не будь твердым — не то разрежут, старайся держаться середины» [7. С. 31]. Античная спартанская школа также навсегда вошла в историю мировой педагогики как символ сурового, аскетического воспитания мальчиков на случай войны [8. С. 114].

Дух теократии, пронизывающий средневековую культуру, predetermined особое отношение к ребенку (дару Божьему), который с рождения становился частью христианского мира. Образование носило богословской характер, приоритетное внимание уделялось жанру жития святых, поскольку многострадальным детям, измученным тяготами бесконечных войн-междоусобиц, спасение виделось в пришествии заступника-святого. Яркий образ такого средневекового ребенка изображен в романе Г.Я. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» [9].

Отношение эпохи Просвещения к ребенку наилучшим образом выразил философ И. Кант, способствовавший «человечеству выйти из состояния несовершеннолетия, в котором оно до сих пор находилось по собственной вине» [10. С. 825]. Провозгласив культ знаний, «большие энциклопедисты» пытаются вырастить «маленьких энциклопедистов»: для детей пишутся философские сказки, журнальные статьи, романы воспитания. На примере Робинзона Крузо Д. Дефо подрастающему поколению внушается мысль о том, что силой разума просвещенный человек может победить любые сложные обстоятельства в жизни.

Эстетика романтизма с его принципом двоемирия разграничивает человечество на ущербных, меркантильных взрослых и совершенных, одухотворенных детей. Подчеркивая данную аксиологическую доминанту детства, ученые пишут: «Только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей. Все отношения между возрастными как бы перевернулись в романтической психологии и эстетике: если раньше детство воспринималось как недостаточная степень развития, то теперь, напротив, взрослость предстала как ущербная пора, утратившая непосредственность детства [11. С. 25]. В произведениях зарубежных и отечественных романтиков (Н. Готорн «Алая буква», Л. Андреев «Ангелочек») дети изображаются в виде ангелоподобных существ, являясь скорее аллегорическими символами чистоты и невинности, нежели представителями материального, земного мира.

Можно сказать, что настоящую революцию в «детской» нарратологии произвела реалистическая школа, избравшая объектом внимания настоящего «этнотипического ребенка в этнотипических обстоятельствах» с соответствующим национальным характером и фактурной запоминающейся внешностью. Художественная модель «ребенок в этнокультурном контексте» дает критическим реалистам колоссальные изобразительные возможности в постановке острых социально-нравственных проблем. Ярким тому примером являются глава «Мальчики» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», «Бежин луг» И.С. Тургенева, «Дети подземелья» В.Г. Короленко, «Мальчики» А.П. Чехова. Усиливая индекс реализма до уровня эго-документов, некоторые писатели описывают собственное детство (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы», Л.Н. Толстой «Детство», М. Горький «Детство»).

Концептуальной художественной многомерностью отличается разработка детской темы в XX в. Вне всякого сомнения, здесь произведением “the most” стала сказка А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Легчик-писатель через систему близких ему космических образов доносит до читателей истину о том, что «близорукому» человечеству пора расширить мировоззренческий кругозор, научиться мыслить глобально, масштабно, планетарно, интертекстуально, поставив на первое место проблемы ноосферного уровня, а не свои узкие потребительские интересы. В этом плане глубоко символичен эпизод, когда конгресс (сообщество взрослых) вместо новообнаруженной звезды смотрит на «халат астронома» [12. С. 16].

Другие популярные детские темы в литературе XX в. — иррациональная жестокость «инфантов» (У. Голдинг «Повелитель мух», В. Железников «Чучело»); послевоенные “self-made”-мужчины (В. Распутин «Уроки французского»); «инфантильные взрослые и взрослые дети» (Дж. Сэлинджер «Над пропастью во ржи», Г. Бёльз «Глазами клоуна»). Стихотворный лозунг Н. Хикмета «Дадим шар земной детям» [13. С. 387] опосредованно находит свое воплощение во «Властелине колец» Дж. Толкиена, где в фигурах хоббитов-малоросликов, избавляющих мир от кольца всевластья, также видятся дети. Витающие в воздухе эсхатологические страхи («мир на грани катастрофы») приводят общественное сознание к увлечению «магическим реализмом», «детьми-индиго», обладающими сверхъестественными способностями, а также к «поттеризации всей страны» [14. С. 49].

Завершая предпосылочную часть статьи, считаем необходимым дать ответ на вопрос о возрастных границах ребенка со ссылкой на официальный документ. «Ребенком в соответствии с Конвенцией о правах ребенка, федеральным законодательством и настоящим Законом признается каждое человеческое существо, не достигшее возраста 18 лет (совершеннолетия)» [15].

Рассказ «Madmoiselle Jeannette»: уровни чтения

Прежде чем перейти к анализу произведения, следует коротко охарактеризовать его исторический контекст, связанный с Кавказской войной 1817–1864 гг. Эта тема освещена во многих научных работах, но среди них наибольшей объективностью отличается монография Т.А. Шебзуховой и Е.Г. Берберовой «Северокавказский фронт Российской империи». Опираясь на военный термин «фронт», авторы исследуют эволюционную историю взаимоотношений Северного Кавказа и России. Первоначально, после того как южный регион попал в зону геополитических интересов Российской империи, фронт фактически являл собой «фронт» жесткого, военизированного противостояния двух цивилизаций. Через десятилетия «по мере снижения градуса враждебности стали устанавливаться допустимые и приемлемые для сторон формы существования» [16. С. 166]. Другими словами, фронт постепенно из конфликтной зоны превращается в пространство межэтнических и межконфессиональных компромиссов, межкультурного взаимодействия, стихийного обмена материальными и духовными ценностями.

Классик русской литературы А.В. Дружинин создал собственную, весьма оригинальную художественную версию о том, как Россия «адаптировала Северный Кавказ под имперский миропорядок и сама, в свою очередь, испытывала на себе влияние местной жизни» [Там же. С. 105].

Следует сказать о том, что Александр Васильевич Дружинин как член Российского географического общества неоднократно посещал южные окраины России, хорошо знал жизнь горцев, вел специальные расследования обстоятельств гибели М.Ю. Лермонтова в окрестностях Пятигорска (Бештау). Кавказские впечатления легли в основу его произведений «Не всякому слуху верь», «Русский черкес», «Легенда о кислых водах», «Странный роман», «Восточный человек» и «Madmoiselle Jeannette».

Объектом нашего внимания является последнее из названных произведений, написанное в жанре рассказа в 1852 г. Место действия определяется двойной локацией — северо-кавказский фронт и Санкт-Петербург. Время — интенсивное десятилетие «войны и мира», отраженное в драматической судьбе маленькой горянки. Рассказ начинается с описания горячей точки на линии фронта. Это казачья станица-крепость, где все подчинено военным тактикам и стратегиям на случай нападения «хищников»: пушки по углам; церковь, обнесенная оградой с длинными узкими бойницами; несколько рот пехоты с орудиями; пикеты в соседнем лесу; казаки, обвешанные оружием.

Переходя от военных объектов к персоналиям, автор весьма подробно описывает семейную жизнь штаб-офицера, начальника одного из отрядов, Иполита Петровича Мальшевского и его жены Натальи Сергеевны. Обычный распорядок их жизни таков: муж ежедневно отбывает на военные операции, супруга коротает время дома за чтением романов. Неосуществима даже ее маленькая мечта — «стоя на горе, встретить восход или закат солнца»; по словам мужа, «такое

невинное наслаждение может кончиться встречей с ворами и во всяком случае требует присутствия целого конвоя для охранения любительницы красот природы» [17. С. 548].

Стрельба, пальба, треск барабанов и «тревоги» являются обычным делом для казачьей станции. В такие моменты укрытием для женщин и детей служит церковная колокольня, откуда не раз Наталья наблюдала за «гомеровыми героями», «сценами горячей перестрелки», «русской пехотой и конницей, теснившей горцев сбоку» [17. С. 550].

Весьма символичен образ церковной колокольни, откуда поначалу ведет обзор фронтальной жизни «молодая россиянка» [Там же. С. 550]. Важна ее персональная точка зрения, определяемая фразеологизмом «с высокой колокольни», т.е. земные заботы на чужой стороне ее особо не касаются. Но все меняется в один момент, когда Ипполит Петрович после боевой операции, связанной с «истреблением соседского аула» [Там же. С. 552], возвращается домой с «миниатюрной добычей» [Там же. С. 553] — черноглазой девочкой лет десяти. Небольшая предыстория пленницы заключается в том, что посреди боя русский офицер увидел, что кто-то прицелился в него с кровли соседней сакли. «Бросившись наверх, он с изумлением приметил, что враги, не желавшие покоряться, были мальчик лет двенадцати с горячей еще винтовкой в руках и девочка лет десяти, заряжавшая винтовку. Юный татарин убежал, девчонку схватили» [Там же].

Следует отметить, что для многих летописцев Кавказской войны, в том числе для А.В. Дружинина, определенности в кавказских этнонимах нет: в рассказе главная героиня названа «татаркой», «горской татаркой», «черкешенкой», «малой азиаткой», «восточной красавицей».

Вся художественная логика дальнейшего повествования связана с тем, что чета российских миссионеров методично с самыми добрыми и гуманными намерениями «лепят» из удочеренной «азиатки» культурную даму высокого общества. В описании внешности и характера девочки доминируют стереотипы: девочка — грубоватая, неотесанная, воровитая (!), умственным занятиям предпочитает физический труд, смысл своей жизни видит в служении мужчинам (!).

Номинологическая символика во многом является мировоззренческим ключом к анализируемому произведению. «Когда Наталья Сергеевна спросила дитя, как ее зовут, та ответила Джаннет, что значит “рай” и совершенно похоже на французское Jeannette» [Там же]. Здесь А.В. Дружинин на интуитивном уровне весьма близко подходит к явлениям транскультуры, «преодолевая замкнутость традиций, языковых и ценностных детерминаций» и тем самым «открывая поле надкультурного творчества» [5. С. 419]. Через свое интернациональное имя героиня одновременно принадлежит трем этнокультурным мирам, если учесть, что родителями-мусульманами ей было присвоено арабское имя Джаннет («рай»). При крещении приемные русские родители назвали ее Анной, но возделенный итоговый результат ее внешнего и внутреннего преображения они видят во французском имени Jeannette. Здесь, естественно, следует иметь в виду, что в описываемый исторический период в России эталоном красоты, изящества, стиля была французская культура. Недаром русский писатель даже имя главной героини в заголовке рассказа пишет по-французски, отдавая дань уважения романской эстетике.

С точки зрения жанровой модификации рассказ «Mademoiselle Jeannette» может быть назван маленьким «романом воспитания», или «педагогической поэмой», если учесть, что господствующее место в нем занимает «история стадийного развития личности, чье сущностное становление прослеживается с детских лет и связывается с опытом познания окружающей действительности» [11. С. 148].

Однако каноны классического «нарратива воспитания» нарушаются тем, что «по условиям задачи» героиня вырывается из своего «плохого» восточного (кавказского) этнокультурного контекста и перемещается в «хороший» западноевропейский контекст. В этом отношении единомышленникам философа и культуролога Эдварда Саида есть, чем поживиться при знакомстве с рассказом А.В. Дружинина. Многие эпизоды, связанные с неистовым желанием европейцев окультурить, облагородить «кавказскую дикарку», при определенном раскладе могут стать иллю-

стративным материалом для его монографии «Ориентализм» [18. С. 300–301]. Однако уточним, что в этом вопросе нам все же близка концепция К.К. Султанова о том, что

русская литература в процессе духовного роста и в своих лучших проявлениях освобождалась от псевдо-ориентальных иллюзий и имперского комплекса, пробивалась к человеческой многомерности реального Кавказа, не впадая в тон назойливого мессианства [19. С. 175].

Без всякой натяжки рассказ А.В. Дружинина можно назвать одним из лучших проявлений отечественной литературы, особенно если учесть авторскую позицию, согласно которой европейской воспитательной системе так и не удалось «сломать», «согнуть горянку в другую сторону» [17. С. 575], «она осталась вечной гостьей среди европейцев» [Там же. С. 567]. По концепции А.В. Дружинина, есть определенная граница, до которой можно реформировать восточного (северокавказского) человека — обучить его грамоте, рисованию, пению, нормативам инкультурного этикета, привить вкус к модной одежде и прическам. Можно даже, как в случае с Джаннет, официально сменить магометанскую религию на христианскую, надеть на шею крестик, приобщить к винопитию, но в глубинной основе этнокультурное ядро останется неприкосновенным. Недаром героиня рассказа сотней незримых нитей остается связанной с миром Кавказа. Проживая в крупном российском городе, блистая на балах, она продолжает тосковать по своему горному краю; ей по нраву не гламурно-изысканные джентльмены, а мужественные джигиты со шрамами на лицах; она живо реагирует на кавказские реалии (цветок), на звуки родного языка, который она так и не забыла, несмотря на многолетнюю дистанцированность от среды.

С гендерной точки зрения выбор любой девушкой жениха означает идентификацию ее собственных приоритетных ценностей в жизни. Для Джаннет, чувствующей себя иностранкой в европейском городе, задачей витального значения стало возвращение на родину. В этом контексте Матвей Пашин, в которого она влюбилась, становится своего рода «поездом», «самолетом», в любом случае символическим средством для перемещения обратно на кавказскую землю. Первоначальный запрет приемных родителей на брачный союз с Пашиным обращается для Джаннет ностальгическим томлением, приходящим в недуг физиологического свойства: «беспамятство», «руки, как раскаленное железо», «сильная нервная горячка», «язык будто отнялся» [17. С. 575].

Образ Матвея Пашина представляет большой интерес с этнологической точки зрения. В его лице автор изображает поликультурную личность, которой тоже суждено было родиться в интернациональной семье. По словам генерала N., он «знал отца Пашина: славный казак, и тоже был женат на черкешенке» [Там же. С. 578]. В этом отношении А.В. Дружинин внутренне полемизирует с английским прозаиком Р. Киплингом, который в новелле «За чертой» пишет:

При всех обстоятельствах человек должен держаться своей касты, своей расы и своего племени. Пусть белый прилепится к белому, а черный к черному. И тогда никакие превратности не нарушат привычного распорядка вещей, не будут внезапны, непостижимы или неожиданы [20. С. 33].

Поднявшись на одну ступеньку выше своего британского собрата по перу в мировоззренческих признаниях, А.В. Дружинин предвосхищает новое историческое время и «дает добро» на кросс-культурные браки. Если мыслить далее категориями межкультурной коммуникации, то семья, которую создают «русско-французско-татарская (черкесская) девушка» и «казакско-черкесский молодой человек» может расцениваться как метакультурный мир в миниатюре. Напомним,

метакультура — состояние культуры, возникающее на границах культурных сред, при котором рефлексивно открывается ее зависимость от творческого потенциала личности. Метакультура является плодотворной почвой для появления творческих личностей, ибо на границе культур, при встрече с «инаковостью», создаются благоприятные условия для новаторской позиции творческого индивида и проявления им инновационной самостоятельности [5. С. 245].

Сказанное подкрепляется эпилогом рассказа, где автор средствами художественного языка объясняет плодотворность метакультурной семьи в прямом и метафорическом смыслах:

Через шесть лет после свадьбы, у Пашина и супруги его, постоянно проживавших в станице, было уже семеро детей, пять мальчиков и две девочки. Проездом через Ставрополь я имел случай познакомиться с казаком Пашиным и видеть двух девочек, его дочерей, привезенных им туда для отправления, по условию, в семейство Ипполита Петровича; обе девочки красивы до чрезвычайности. Сам Пашин далеко подвинулся на пути славы [17. С. 579].

Касаясь символики чисел, отметим, что судьбоносной для героев рассказа является «семерка» — «самая значительная среди священных чисел» [21. С. 998], обозначающая «проявление космического порядка и организации», «цельность и полноту вещи, к которой число относится», «действующий фактор эволюции» [22. С. 358], «семь дней творения, в течение которых Бог создал мир» [23. С. 327]. В авторской интерпретации именно в *седьмой* год пребывания на войне в семью Мальшевских попал обездоленный кавказский ребенок. В семье Пашиных родилось *семеро* детей.

Интертекстуальная плотность — еще одна специфическая особенность дружининского рассказа. Будучи профессиональным географом, он подсознательно стремится обозреть и стянуть к единому художественному пространству весь мир, вследствие чего он отсылает своего читателя к библейским и кораническим интертекстам, к гомеровым героям [17. С. 550], персонажам русского фольклора [Там же. С. 570], произведениям А.А. Бестужева-Марлинского [Там же. С. 547], байроническим героям [Там же. С. 564]. Он упоминает в рассказе имена своих именитых современниц Дженни Линд (шведской оперной певицы) и Фанни Эльслер (австрийской танцовщицы и балерины). В тексте можно встретить и такой примечательный кросс-культурный термин, как «Илиада Кавказского края» [Там же. С. 570]. Все эти факты говорят о широте культурного сознания А.В. Дружинина, изображающего художественными средствами неостановимый процесс «глобализации духа».

В данном контексте глубоко символична концовка рассказа, где речь идет о том, что по прошествии нескольких лет теперь уже две дочери Джаннет («красивые до чрезвычайности») совершенно добровольно отправляются в большой российский город к своим русским «дедушке с бабушкой» — Ипполиту Петровичу и Наталье Сергеевне. Думается, в этом акте автор прозорливо усмотрел и запечатлел удвоенный темп стремительных коммуникационных процессов на планете.

Заключение

Проведенный обзор «детской» литературы в диахроническом аспекте позволяет выявить андроцентрический перекокс в сторону героев-мальчиков. Подобная асимметрия объясняется превалированием мужчин-писателей, которые в основном создавали нарративы, маркированные собственным детством. Тем ценнее художественный опыт А.В. Дружинина, изобразившего представительницу женского пола. Образ девочки, находящейся в эпицентре Кавказской войны, символизирует абсолют отрицания милитаризма. Горянка с тройным именем (кавказским, русским, французским) выступает в рассказе как символ плодотворности межкультурных коммуникаций.

Британский ученый с космическим чувством истории А.Дж. Тойнби сформулировал один из важных онтологических законов под названием «уход-и-возврат», суть которого заключается в двухактном процессе творческого роста: как правило, «роковое дитя, закалив свой дух в горниле выпавших на его долю испытаний, возвращается во всем блеске силы и славы на родину, в свои владения» [24. С. 281]. Такая организация сюжета в рассказе А.В. Дружинина является своеобразным образцом интеллектуально-духовного квеста для каждой личности, одинаково поэтизирующей вселенское и локальное.

Литература

1. Дружинин В., Конторов М. Введение в теорию конфликта. М.: Радио и связь, 1989. 288 с.
2. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учебник для вузов. М.: Юнити, 2000. 551 с.
3. Дмитриев А., Запрудский Ю., Казимирчук В., Кудрявцев В. Основы конфликтологии. М.: Юристъ, 1997. 200 с.
4. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2013. 632 с.
5. Тхагапсоев Х.Г. Диалог русской и кавказской культур как механизм культурогенеза // Поликультурное пространство Российской Федерации: в 7 кн. Кн. 2 / науч. рук. и гл. ред. Л.М. Мосолова. СПб.: ИД «Петрополис», 2012.
6. Универсальные истины Александра Сокурова (интервью с А. Сокуровым). Кабардино-Балкарская правда. 2012. 21 июня.
7. Хараев Ф.А. Тайнства чувства меры. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2008. 256 с.
8. Словарь античности / пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. 704 с.
9. Гриммельсгаузен Г.Я.К. Симплициссимус. М.: Худож. лит., 1976. 736 с.
10. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 с.
11. Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12.
12. Сент-Экзюпери А. Маленький принц / пер. с фр. Н. Галь. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1978. 80 с.
13. Хикмет Н. Избранное: в 2 т. Т. 1: Стихи. Поэмы / пер. с тур.; вступ. ст. К. Симонова; сост., примеч. Т. Меликова. М.: Худож. лит., 1987. 526 с.
14. Черняк М.А. Дети и детство как социокультурный феномен: опыт прочтения новейшей прозы XXI века // Конструирование детского: филология, история, антропология / под ред. М.Р. Балиной, В.Г. Безрогова, С.Г. Маслинской, К.А. Маслинского, М.В. Тендряковой, С. Шеридана. М.; СПб.: Азимут: Нестор-История, 2011. 252 с.
15. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/fdde1bfbeb585f4c7b9b9a318ce10c972dd3bf94/
16. Шибзухова Т.А., Берберова Е.Г. Северокавказский фронт Российской империи (1722–1864): монография. М.: ЦИУМИНЛ, 2015. 224 с.
17. Дружинин А.В. Madmoiselle Jeannette // Собр. соч. Т. I. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1863. С. 546–579.
18. Said E.W. Orientalism. N.Y.: Pantheon, 1978. P. 300–301.
19. Султанов К.К. От Дома к Миру: этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
20. Киплинг Р. За чертой // Рассказы. Стихотворения / пер. с англ.; сост., вступ. ст., примеч. А. Долинина. Л.: Худож. лит., 1989. 368 с.
21. Энциклопедический словарь символов / авт.-сост. Н.А. Истомина. М.: АСТ: Астрель, 2003. 1056 с.
22. Жюльен Н. Словарь символов: иллюстрированный справочник / пер. с фр. Челябинск: Урал LTD, 1999. 512 с.
23. Тресиддер Дж. Словарь символов / пер. с англ. С. Палько. М.: Фаир-пресс, 1999. 448 с.
24. Тойнби А.Дж. Постыжение истории / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.

References

1. Druzhinin V., Kontorov M. Vvedenie v teoriyu konflikta. Moscow: Radio & svyaz', 1989. 288 s.
2. Antsupov A.Ia., Shipilov A.I. Konfliktologiya: uchebnik dlia vuzov. Moscow: Iuniti, 2000. 551 s.
3. Dmitriev A., Zaprudsky Yu., Kazimirchuk V., Kudryavtsev V. Osnovy konfliktologii. Moscow: Iurist, 1997. 200 s.
4. Zhukova I.N. Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii. Moscow: Flinta: Nauka, 2013. 632 s.
5. Tkhagapsoev Kh.G. Dialog russkoi i kavkazskoi kul'tur kak mekhanizm kul'turogeneza // Polikul'turnoe prostranstvo Rossiiskoi Federatsii: v 7 kn. Kn. 2 / nauch. ruk. i gl. red. L.M. Mosolova. St. Petersburg: ID "Petropolis", 2012.
6. Universal'nye istiny Aleksandra Sokurova (interv'iu s A. Sokurovym). Kabardino-Balkarskaia pravda. 2012. 21 iunija.
7. Kharaev F.A. Tainstva chuvstva mery. Nalchik: Izdatel'skii tsentr "El'-Fa", 2008. 256 s.
8. Slovar' antichnosti / per. s nem. Moscow: Progress, 1989. 704 s.
9. Grimmelshausen, H.J. Chr. Simplississimus. Moscow: Khudozh. lit., 1976. 736 s.
10. Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii / pod red. A.N. Nikoliukina. Moscow: NPK "Intelvak", 2003. 1600 stb.
11. Epstein M., Yukina E. Obrazy detstva // Novyi mir. 1979. No. 12.
12. Saint-Exupéry, Antoine de. Malen'kii prints / per. s fr. N. Gal'. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1978. 80 s.
13. Hikmet N. Izbrannoe: v 2 t. T. 1: Stikhi. Poemy / per. s tur.; vstup. st. K. Simonova; sost., primech. T. Melikova. Moscow: Khudozh. lit., 1987. 526 s.
14. Chernyak M.A. Deti i detstvo kak sotsiokul'turnyi fenomen: opyt prochteniia noveishei prozy XXI veka // Konstruirovanie detskoe: filologiya, istoriia, antropologiya / pod red. M.R. Balinoy, V.G. Bezrogoва, S.G. Maslinskoy, K.A. Maslinskogo, M.V. Tendryakovoy, S. Sheridana. Moscow; St. Petersburg: Azimut: Nestor-Istoriia, 2011. 252 s.
15. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/fdde1bfbeb585f4c7b9b9a318ce10c972dd3bf94/
16. Shebzukhova T.A., Berberova E.G. Severokavkazskii frontir Rossiiskoi imperii (1722–1864): monografiia. Moscow, 2015. 224 s.
17. Druzhinin A.V. Madmoiselle Jeannette // Sobr. soch. T. I. St. Petersburg: Tip. Imperatorskoi Akademii nauk, 1863. S. 546–579.
18. Said E.W. Orientalism. N. Y.: Pantheon, 1978. P. 300–301.
19. Sultanov K.K. Ot Doma k Miru: etnonatsional'naia identichnost' v literature i mezhkul'turnyi dialog. Moscow: Nauka, 2007. 302 s.
20. Kipling R. Za chertoi // Rasskazy. Stikhotvoreniia / per. s angl.; sost., vstup. st., primech. A. Dolinina. Leningrad: Khudozh. lit., 1989. 368 s.
21. Entsiklopedicheskii slovar' simvolov / avt.-sost. N.A. Istomina. Moscow: AST: Astrel', 2003. 1056 s.
22. Julien N. Slovar' simvolov: illiustrirrovannyi spravochnik. Cheliabinsk: Ural LTD, 1999. 512 s.
23. Tresidder J. Slovar' simvolov / per. s angl. S. Pal'ko. Moscow: Fair-press, 1999. 448 s.
24. Toynbee A.J. Postizhenie istorii / per. s angl. E.D. Zharkova. Moscow: Airis-press, 2002. 640 s.

Кучукова Зухра Ахметовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской
и зарубежной литературы
Кабардино-Балкарский
государственный университет
им. Х.М. Бербекова

Kuchukova Zukhra A.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian and Foreign
Literature Department
Berbekov Kabardino-Balkarian State
University

e-mail: kuchuk60@list.ru

Берберова Лиана Бурхановна,
кандидат педагогических наук,
старший преподаватель
департамента английского языка
и профессиональной коммуникации
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации

Berberova Liana B.,
Candidate of Pedagogy, Senior
Lecturer of the English Language
and Professional Communication
Department
Financial University under the
Government of the Russian Federation

e-mail: berberova.liana@yandex.ru

Манкиева Эсет Хамзатовна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Ингушский государственный университет

Mankieva Eset Kh.,
Doctor of Philology,
Professor of the Russian and Foreign Literature Department
Ingush State University

e-mail: mankieva@mail.ru

